

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК 111

doi: 10.17223/1998863X/69/7

МЕТАФИЗИКА В СИТУАЦИИ СОВРЕМЕННОСТИ: АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ ПОЗИТИВИЗМА, СТРУКТУРАЛИЗМА, ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА

Наталья Владимировна Довгаленко

*Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.,
Саратов, Россия, dovgal30@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме кризиса метафизики как содержательного, предваряющего разговора об основании. Зародившись в ситуации модерна, кризис приводит в XX в. к новым «решениям»: событию деконструкции, переходу к коммуникативным связям, открытию Другого. Метафизика раскрывается в конструкции субъекта-синтеза, определенного «работой» (Э. Юнгер) как способом установления в бытии, где техника мобилизует и опосредует установление.

Ключевые слова: метафизика, субъектум-основание, субъект-синтез

Для цитирования: Довгаленко Н.В. Метафизика в ситуации современности: анализ философских идей позитивизма, структурализма, постструктурализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 57–65. doi: 10.17223/1998863X/69/7

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

METAPHYSICS IN THE SITUATION OF MODERNITY: ANALYSIS OF THE PHILOSOPHICAL IDEAS OF POSITIVISM, STRUCTURALISM, POSTSTRUCTURALISM

Natalya V. Dovgalenko

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russian Federation, dovgal30@rambler.ru

Abstract. The question of the crisis of metaphysics continues to excite philosophical thought, responding to Heidegger's message of the first half of the 20th century which was supported by Habermas at the end of the 20th century. The origins of metaphysics go back to the theme of foundation, declared by Greco-Roman, Christian culture, where thought and being merge. Crisis is associated with the transition to modernism, which discovered the principle of alienation and positivist intentions. Positivism introduced the subject-synthesis – a kind of a concept that is built not through foundation, but through gathering, accumulating experience of different connections. Communication ties, gradually displacing all the others, began to

determine a new order of understanding the world order, shifting the emphasis from semantic, epistemological foundations, to the horizon of sign-symbolic relations. The event of deconstruction, not as a method or a new paradigm, but as a special metaphysics, became a new starting point for the subject, unlocking the possibility of presence of experience within its boundaries that escapes the thought, hidden in linguistic substitutions, metonymy. This is how the zone of the Other was designated; it allowed the unclear, the unconscious, the previously ignored and repressed by meaning and breaking through the language to penetrate into the thought. The subject-synthesis in the situation of the 20th century also revealed itself in an effort to regain its physical, "alienated" side. These aspirations became associated with positivist claims to raise physical science to the level of "all sciences", to overthrow metaphysics, on the one hand and with immersion in the event of "work" as a way of establishing in being, associated with the mobilization means of technology, design, production, typification, digitalization (Ernst Junger), on the other. The meaningful message of metaphysics is consistent as long as there are "meeting places" in the culture, where there will be no synthetic effort to impose semantic landmarks, but the need for their acquisition. This is what various projects of modern philosophy demonstrate. It remains only to understand that it becomes possible to break through to them by following only new paths. Some of them are: deconstruction, "work", "production of meanings", technology, etc.

Keywords: metaphysics, subjectum-basis, subject-synthesis

For citation: Dovgalenko, N.V. (2022) Metaphysics in the situation of modernity: analysis of the philosophical ideas of positivism, structuralism, poststructuralism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 69. pp. 57–65. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/69/7

Никакие аргументы, никакие симптомы не выступают обоснованиями кризиса одной культурно-эпистемологической эпохи и начала другой. «Событие остается релевантным, если кто-то переживает его как кризис и если он постоянно говорит о действительности на языке кризиса» [1. С. 16]. Пожалуй, один из ярчайших примеров подобного кризиса в философии, близкого нам по эпохе и ощущениям, стал кризис метафизики, о нем мы говорим до сих пор. Рассмотрение метафизики через призму потери предмета исследования, утраты ключевых методологических позиций, по меньшей мере, не корректно. Метафизика больше, чем парадигма или стиль мышления. Она определяет круг эпистем не просто как ценных или важных, а как первых, предваряющих возможность «установления» вещей в реальность, в мышление. Обрастая «мясом» социальных, языковых, этических практик, она становится пайдеей («воспитанием», «образованием»), а открывая инструменты и методы для «вхождения» в данный круг, – культурой. Что же происходит с метафизикой в последние два столетия, и вправе ли мы говорить о том, что она исчерпала себя, предоставив философии обновленный проект послесловия, о котором говорит, например, Ю. Хабермас [2]?

Постараемся изначально уйти от метафизики как «хаотичного термина» [3]. Ее раскрытие в период античного развития мысли, христианской теологии через «основание» (ὑποκείμενον), «подлежащее» (subjectum) определили единство самой реальности и размышления, разговора о ней. «Есть такой латинский термин «субъектум». Но можно ли переводить его по-русски как «субъект»? Нет, конечно, никакого отношения этот термин к нашему слову «субъект» не имеет. Что значит «субъектум»? То, что от «субицию», то что подброшено, подложено под конкретное качество и свойство, которым обладает данная вещь, т.е. не только совокупность определенных свойств, но она же и есть носитель свойств» [4. С. 486]. Этимологическая почти неразличи-

мость субъектума и субъекта демонстрирует их единство в онтологическом ключе с одной лишь оговоркой. В период модерна субъект, логическое понятие, самораскрываясь как основание, начинает «перетягивать взгляд» к смещению, «отчуждению» от себя. Это происходит благодаря возвышению методологического принципа различия. Через него понятие начинает определяться диалектикой гегелевского синтеза и его исходный тезис становится неустойчивым, теряя самоочевидность, которую не исключал, например, Р. Декарт. «То, что является весьма простым и само собой понятным, логические дефиниции могут только затемнить...» [5. Т. 1. С. 317]. «Взгляд», схватывающий понятие из созерцающего, превращается в наблюдающий, начинает рефлексировать, свидетельствовать. Это и есть субъект, активностью опыта воздействующий на форму, занятый, прежде всего, синтезом, о чем недвусмысленно высказывается позитивизм: «...конечное истолкование, цель философии есть всеобщий синтез, охватывающий и скрепляющий все частные синтезы» [6. С. 133]. Субъект оказывается понятием, определенным в подвижности различия, которое становится самоценным.

Когда позитивизм укореняется внутри языка, а это является неизбежным, *понятие* формально возвращает себе статус субъектума, замыкаясь внутри логики. Отсюда произрастают идеи А. Уайтхеда, Б. Рассела, внушающие мнимые надежды на достижение непротиворечивости, полного обоснования мышления, сведенного к строгой форме. Но попытка логицизма является началом разочарований. Вернуть субъектум, ограничив его формально-логически, невозможно. И вопрос об основании повисает в воздухе.

Зато прогрессирует позитивистская ситуация усугубления отчуждения, которая приводит к простому началу, которым уже не являлось понятие (субъектум-основание), и даже понятие (субъект-синтез), а являлся знак. Он был «пойман» в ситуации погружения в глубокую степень различия, когда утрачивается смысл, своим эффектом «склеивающий» слово, речь, письмо, дискурс. Знак определился как лингвистическая и культурная единица, которая осуществляла символический и другие формы обмена, поддерживая наличие структуры. Структурализм, прежде всего, открыл *коммуникативные связи*, которые стали залогом стабильности, организованности. Внутри них смысл стал ожидаемым, но не необходимым и предваряющим началом. «Не отождествляя общество или культуру и язык, можно приступить к этой «коперниковской революции» (как говорят Одриккур и Гранэ), которая будет состоять в толковании общества в целом в зависимости от теории коммуникации» [7. С. 88]. Брачные, экономические, лингвистические и другие формы обмена стали обоснованием самого наличия организации.

Именно коммуникативные связи, разнообразные формы «культурного метаболизма» заменили эру смысла. Структура вытолкнула из поля зрения эпистему, сосредоточившись на форме, власти, принуждении. Опыт революций, в том числе научно-технических, мировых войн XX в., тяготение к общественной и государственной «устроенности» – все это продемонстрировало социальное и антропологическое разочарование метафизикой и одновременное тяготение к упорядоченности, которая ярко, публично возвестила о своем влиянии на жизнеспособность мира.

В структуре аккумулируются первые ростки насилия, открытого пост-структурализмом внутри письма, организующего само понятие, и все отно-

шения, возникающие вокруг него. Насилие понимается как динамическое явление сложного процесса, составленное как результат множественных и разнонаправленных движений, представленных «фигурой экономии», включающих внутренние банкротства. Во-первых, насилие сопровождает само именование. Главное, что мы видим в письме, – структурность, «одевание скелета». «И если необходимость стать дыханием или словом обнимает смысл – и нашу ответственность за него, – то письмо еще более того связывает и принуждает слово» [8. С. 17]. Во-вторых, насилие присутствует в «сокрытии» имени, несении собственного и несобственного имени, являющихся источником моральных притязаний. В-третьих – в «краже» или присвоении чужого имени, которая открывает право как нарушение закона собственности [9. Р. 108]. Оказывается, что формы принуждения отражаются в способах духовных и социальных отношений.

Наличие господства в письме связано именно с бесконечным обменом (внутренней коммуникацией разных уровней) по поводу присвоения имен, т.е. включения их в «собственность» смысла. Новые термины, которые характеризуют данный процесс, весьма показательны: «суверенность», «банкротство», «экономика». Эта «рабская покорность» не позволяет состояться письму как бесконечной возможности иных конфигураций. В них с необходимостью, например, реализуется проект «смерти» субъекта, который продиктован жестом деконструкции, не повинующимся привычным отношениям. «Смерть» субъекта выражает наличие самой возможности разрушить привычный мир понятий, логики, смысла, отменить все властные нормы внутри текстовой реальности, ибо их превосходство приковывает письмо к смыслу. Само же письмо, скорее, следствие требования феноменального, которое открывается как одновременное различие мест и сил. Именно поэтому в нем существует графическая линейность, «горизонт языка» (Р. Барт), поле, конфигурации. А также бесконечность а-смысловых проявлений, истолкование, неформальность. «Писать – это знать, что еще не произведенное в букве не имеет какого-то другого обиталища, не ожидает нас в качестве предписания в некоем *topos uranios* или в божественном рассудке» [8. С. 20]. Смысл есть только будущее письма.

Вроде бы постструктурализм через разрушение понятия (субъектасинтеза) приходит к окончательному выводу о возвышении новой методологии деконструктивизма, посредством которой разворачивается доминирование различных моделей коммуникации, а история, культура понимаются как бесконечный знаково-символический обмен, куда включаются человек, социум, язык. Но оказывается, что деконструкция не совсем, и даже скорее не метод. «Этот странный философско-архитектурный неологизм означает не анализ, не критику, не метод и даже не акт и не операцию. Деконструкция имеет место, это событие (*événement*), которое не ждет резолюции субъекта, даже если в роли этого субъекта выступает современный мир» [10. С. 157].

Деконструкция рождается из двух состояний. Во-первых, ее требует сама структура, открываемая смещением мест и сил, стоящая на грани «опасности». Это план топологический, формально-геометрический, рождающий поверхность, на которой размыкаются структуры предложений, текста, осуществляется разрыв частей. Во-вторых, деконструкция методологически вскрывает абсурдность опоры на понятие и даже знаки, перенося акцент на

конструктивные силы самого письма. «Не имея больше ни возможностей, ни прав вписаться в ядро самого понятия (ведь суть самого рассматриваемого открытия в том и состоит, что нет никакого ядра смысла, понятийного атома, что само понятие производится в ткани различий), пространство, отделяющее, если угодно, логику господства от не-логики суверенности, должно будет вписаться в сцепление или работу некоего письма» [8. С. 422], отмечает Ж. Деррида. Возникновение понятия поддержано структурой как гарантом возникновения различия и обретения формы. А само письмо имеет отношение к организации лишь одной стороной, второй же – к метафизике бесконечной подвижности сил и мест... Обнаружение метафизики там, где она должна была исчезнуть, подчеркивает лишь всю неоднозначность толкования постструктуралистских идей. «Деррида последовательно демонстрирует двусмысленность всего философско-метафизического языка, и даже сам термин „метафизика“ предстает в своей неоднозначности» [11. С. 141]. Если метафизика не исчерпывается, не исчезает, куда же она обращается, что открывает? Как меняется само ее содержание сегодня?

Один из векторов развивает французский постструктурализм, темой которого становится «разрушение насилия структуры», заглядывание «за» ее полномочия. Подвижность понятия, слишком обращающее на себя различие, которым оно живет, заставляет Деррида сделать деконструкцию своеобразным «событием», точкой отсчета новой онтологии. «Событие» всегда локализовано временем и пространством. Эта картина слишком хорошо известна. Движение внутри письма, возникающее как следствие различия, возможно только по горизонтали, в свою очередь, порождая графичность, линейность, рядоположенность и пр. В нем скрывается момент «трансгрессии» как разрушение смысловой пространственно-топологической локализованности, разрушение горизонта. Что касается времени, то оно захвачено историей, ибо сосредоточено внутри «следов», «отпечатков», соотносимых друг с другом через причинно-следственный порядок, последовательность, отсыл и другие процедуры. Их разрыв, непоследовательность, забвение разрушают привычный мир логики. Так в событии деконструкции наряду с субъектом открывается возможность локализоваться Другому.

Открытие Другого отнюдь не связано с ситуацией «смерти» субъекта и приобретением опыта трансгрессии, хотя подразумевает их как некие грядущие жесты. Путь к нему соединяет нужду в метафизическом переосмыслении места человека, который определен в уверенности *cogitare* и погружен в ситуацию знаково-символического обмена, с доминантой предложенных структурализмом отношений означающего-означаемого. «Речь идет не о том, чтобы знать, насколько то, что я о себе говорю, соответствует тому, что я есть, а о том, тождествен ли я, когда я говорю о себе, тому, о ком я говорю?» [12. С. 48]. Выговаривание, язык становятся тем способом, каким ставит субъект себя перед собой, полагает Ж. Лакан. Но ясность и непротиворечивость как базовые симптомы разговора, выявленные еще Декартом, не могут выражать полноту внутренней подвижности субъекта. «Но кто же этот другой – тот другой, к которому я привязан более, чем к себе самому... Его присутствие можно понять, лишь возведя его плановость во вторую степень и поставив его тем самым в позицию посредника в моих отношениях с самим собой в качестве себе подобного» [Там же. С. 54]. Он тот, кто снимет согласие

на всякий дискурс, кто позволяет языку осуществляться вне форм, в первичном буквенном содержании, смысловых метонимиях, метафорах. «...Анализ событий XX в. показывает, что „классический“ опыт „друговости“ (инаковости) – это часто опыт видимой „потери“, „ущерба“, причем как в физическом смысле, так и в культурно-политическом – лишение права репрезентации в культуре, т.е. „действия невидимым“» [13. С. 174]. Снятие права репрезентации связано с ограничением связей с означаемым, когда плоское выражение письма, включая глубинные археологические слои, начинает действовать через метафорические упразднения и замещения. Когда история как репрезентация времени начинает включать в себя не только «следы», но и вытесненный культурой нереализованный аспект желаний, в том числе маргинальных, «уснувших».

Другой следует из различия (движения) желаний, основанием которых выступает бессознательное. Однако выражение, понимание и истолкование такого движения лежат в русле языка. Бессознательное, отмечает Лакан, отнюдь не «седалище инстинктов», в нем скрыт потенциал замещений, как неясная возможность субъекта. Другой, скорее, раздвигает его (субъекта) границы, через запрет, утрату пробиваясь во внешний порядок мира. Он допускает в рефлексии *cogitas* скрытые интенции бессознательного, с такой же необходимостью свидетельствующей о субъекте, как и мысль. На месте разрушенного, разъятого на части синтезируемого понятия, возникает система его «ожидания», наполняемая когнитивными, конструктивными, бессознательными практиками. «У человека нет внутренней суверенной территории, он весь всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [14. С. 312]. Субъект только «кажется» сувереном, подлинное владения структурой, знаком, смыслом, наконец, собой у него отсутствует.

Таким образом, событие деконструкции приводит к феноменальному наполнению субъекта-синтеза совершенно новым опытом, в котором мысль не есть нечто заданное, а «ожидаемое», перспективное, определенное не преимуществом ясной формы, а содержанием скрытых желаний, образов, нарративов, метонимий и пр. Преодолевая фазу отчуждения, субъект опять идет к утраченному основанию, через синтез, деконструкцию, присутствие другого, добиваясь возвращения *φύσις*.

Погрузившись в тему субъекта, метафизика попала в ситуацию забвения стороны *φύσις* (природы, естества). Оборачивание к этой теме долгое время носило отпечаток вторичности, как Ф. Шеллинг всегда рассматривался как «следствие» Г. Гегеля. В XX в. физика в ее позитивистско-научном настрое стала действительно обращать на себя внимание, пытаясь заместить «опустевшее» место метафизики. Притязания не остывают и сегодня. Метафизическая гипотеза должна стать выводимой из научного опыта, в котором просто нет ссылок на поиск причин. «„Философское“ представление о причинности не может играть определяющего значения в метафизике, поскольку по своей сути является „артефактом“ антропоцентрической перспективы, которую наука, по определению, преодолевает» [15. С. 28]. Ближе к XXI в. философия возвращается к этой теме удивительными путями открытий технауки. Этот термин выступает одним в череде многих, которые хотят указать на нарастающие изменения, связанные с технологией, производством, ценностями. Но не только. Он меняет привычное существо *φύσις*, с которым сталкивается субъект, находясь в ситуации когнитивного запроса на невообразимый синтез естественного и искусственного:

бионика, генная инженерия, создание искусственных нейросетей и пр. Но не только, по швам расплзается привычная оппозиция субъект-объектных отношений, в которую вплетается техническое, про-из-водственное. «С точки зрения немецкого философа техники А. Нордмана, в основе технонаучного (читай: проективно-конструктивистского) подхода лежит концепция „созданного понимания“ (Creating Understanding)...» [16. С. 42]. Не созерцание, не наблюдение, а создание становится строжнейшей новой природы. Φύσις возвращается через конструирование.

Еще в 30-е гг. XX в. Э. Юнгер, во многом предвосхитил эти интенции, представив «работу» как новый способ установления субъекта и культуры в современности, а технику как «мобилизационное средство» работы. Однако понятие «работа» не идентифицировалось как деятельность. Оно раскрывалось как способ бытия, стремящийся заполнить время, пространство, социальность, язык. Под «рабочим» не имелось в виду отношение к классовому делению общества, марксистской системе производственных отношений, а захваченность гештальтом как способом самовыражения, проявляемым в досуге, любви, производстве, войне. Техника – стала мерой репрезентации «работы», вне которой она никогда не приобрела бы логики, целесообразности.

Выразителем формы «гештальта рабочего» стала «маска», содержание которой выразилось как типическое. Яркий пример типического – безымянный солдат, одевший форму, сокрывшей всякую индивидуальность, реализующий работу в виде войны, принадлежащий тотальности гештальта как порядка и осознающий его власть, несущий техническое рационально и символически.

Э. Юнгер открывает метафизическое в новом выражении организационно-типического, укорененного в способе действия («работе») по преобразованию мира. И если на первых порах ее порыв подобен урагану, захватывающему человека и приобщающему к вихрю движения, то впоследствии в действии появляется планомерность, многообразие форм. «На последней же и высшей ступени единичный человек выступает в непосредственной связи с тотальным характером работы» [17. С. 231]. Поэтому государственное принуждение, революция, война выступают прежде всего промежуточными стадиями движения к реализации полноты гештальта.

Юнгер связывает «гештальт рабочего» в его типическом выражении с доминированием структуры и цифры. Отсюда становится более ясной логика тотальности, следующая из самого строя организованности. «Гештальт нельзя постичь с помощью всеобщего и духовного понятия бесконечности, но только с помощью особенного и органического понятия тотальности. Эта завершенность приводит к тому, что цифра поднимается здесь до совсем иного ранга и выступает в непосредственной связи с метафизикой», – отмечает Э. Юнгер [Там же. С. 220]. Цифра – это не только цифровое письмо, которое производится социотехническими органами субъекта сегодня, или «офизический» по-новому знак, попавший в грамматику виртуальности. Это участвовавшее число событий, когда индивид одевает «маску», скрывая собственную индивидуальность за типичностью, когда он превращается в незримую единицу статистической погрешности войны или интернет-подсчетов, не важно.

Такое впечатление, что метафизика сегодня сама назначает «места встреч», через призму которых мы будем с ней сталкиваться, но уже не по-

средством причинного принуждения или метаобзора, а, например, синтетического усилия, конструирования, а также опыта отчуждения, потери. Вопрос введения нового термина для фиксирования ее исчерпания – постметафизика – не так однозначен. Есть склонность согласиться и с А.Ф. Лосевым, и с М. Хайдеггером, и с Л. Пунтель, которые указывают на метафизику с связи с основанием. «Из многих аспектов метафизики, которые Хабермас не учитывает, наиболее значимой является великая традиция философии бытия» [3]. Метафизика сегодня чрезвычайно трудна для артикуляции, выражения, и введение таких терминов, как «гештальт», «экзистенция», лишь приоткрывает завесу, но не проясняет ее новое место. Тем не менее она присутствует и в событии деконструкции, наполняющем субъект-синтез новым содержанием, включающим не только когнитивный, бессознательный аспекты, но и все вытесненные, замещенные, невнятные языковые отклонения. За структурой четкого «скелета» письма пребывает ее проявление через смещение сил, мест. Метафизика присутствует и в проявлении субъекта-синтеза, определенного в «работе» как способе установления в бытии, проявляемом через технику. Именно «гештальт рабочего» становится новым принципом, раскрывающим облик современного мира.

Сегодня метафизика не предвеляет «общее правило» и понимание, определяя культуру в эпистемологическом ключе. Но и в преимуществе «жизненного мира», и в практиках «ситуирования разума», коммуникациях, о которых писал Хабермас, появляется намек на присутствие «горизонта» – топоса их осуществления, соприкосновения. Интерпретация вопроса об основании, к которому мы вынуждены обращаться вновь и вновь.

Список источников

1. Ман П. Слепота и прозрение. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия». 2002. 256 с.
2. Habermas J. Postmetaphysical thinking: Philosophical essays. Cambridge ; L., 1992. 241 p.
3. Puntel L.B. Habermas' postmetaphysical thinking: a critique. URL: <http://www.philosophie.uni-muenchen.de> (accessed: 20.11.2020).
4. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. и др. Античная литература. М. : ЧеРо, 1997. 543 с.
5. Декарт Р. Первоначала философии // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
6. Спенсер Г. Основные начала. Киев : Тип. А. Давиденко, 1886. 375 с.
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Эксмо-Пресс, 2001. 131 с.
8. Деррида Ж. Письмо и различие. М. : Академический проект, 2000. 495 с.
9. Salvaterra V.C. Archi-violence: the genesis of the violence of genesis in Derrida's philosophy // Trans/form/ação, Marília. 2019. Vol. 42, № 4. P. 99–124.
10. Фекондо А. Деррида: деконструкция этического-юридического, уточнение методологии // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 155–170.
11. Ажимов Ф.Е. «Архив» деконструкции Жака Деррида // Культурология. 2009. № 1 (48). С. 136–144.
12. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 1. С. 25–58.
13. Суковатая В.А. Холокост, расизм и война как источники «философии Другого» и постмодернистской этики // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. 14, № 2 (71–72). С. 169–175.
14. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с.
15. Головкин Н.В. Натуралистический поворот: научная метафизика и причинность // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 2. С. 27–35.
16. Середкина Е.В. Этические и эпистемологические аспекты технонаучного знания в контексте парадигмального сдвига от homo faber к homo creator // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 1. С. 41–45.
17. Юнг Э. Рабочий. Господство гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. СПб. : Наука, 2000. 539 с.

References

1. de Man, P. (2002) *Slepota i prozrenie* [Blindness and Insight]. Translated from French. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya.
2. Habermas, J. (1992) *Postmetaphysical Thinking: Philosophical Essays*. Cambridge: MIT Press.
3. Puntel, L.B. (n.d.) *Habermas' postmetaphysical thinking: a critique*. [Online] Available from: <http://www.philosophie.uni-muenchen.de> (Accessed: 20th November 2020).
4. Losev, A.F., Takho-Godi, A.A. et al. (1997) *Antichnaya literatura* [Antique Literature]. Moscow: CheRo.
5. Descartes, R. (1989) *Sochinenie* [Works]. Translated from Latin and French. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
6. Spencer, G. (1886) *Osnovnye nachala* [Basic principles]. Translated from English. Kyiv: Tip. A. Davidenko.
7. Levi-Strauss, K. (2001) *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Translated from French. Moscow: Eksmo-Press.
8. Derrida, J. (2000) *Pis'mo i razlichie* [Writing and Difference]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii proekt.
9. Salvaterra, V.C. (2019) Archi-violence: the genesis of the violence of genesis in Derrida's philosophy. *Trans/form/ação, Marília*. 42(4). pp. 99–124.
10. Fekondo, A. (2020) Derrida: Deconstruction of the Ethical-Legal-Political. Methodological Clarification. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal – The Siberian Journal of Philosophy*. 18(1). pp. 155–170. (In Russian). DOI: 10.25205/2541-7517-2020-18-1-155-170
11. Azhimov, F.E. (2009) “Arkhir” dekonstruktsii Zhaka Derrida [Jacques Derrida's “Archive” of deconstruction]. *Kul'turologiya*. 1(48). pp. 136–144.
12. Lacan, J. (1996) Instantsiya bukvy v bessoznatel'nom [Instance of the letter in the unconscious]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskii zhurnal*. 1. pp. 25–58.
13. Sukovataya, V.A. (2012) Kholokost, rasizm i voyna kak istochniki “filosofii Drugogo” i postmodernistskoy etiki [The Holocaust, racism and war as sources of the “philosophy of the Other” and post-modern ethics]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo – Personality. Culture. Society*. 14/2(71–72). pp. 169–175.
14. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.
15. Golovko, N.V. (2015) Naturalisticheskii povорот: nauchnaya metafizika i prichinnost' [Naturalistic turn: scientific metaphysics and causality]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. 13(2). pp. 27–35.
16. Seredkina, E.V. (2016) Eticheskie i epistemologicheskie aspekty tekhnonauchnogo znaniya v kontekste paradigmalnogo sdviga ot homo faber k homo creator [Ethical and epistemological aspects of technoscientific knowledge in the context of a paradigm shift from homo faber to homo creator]. *Gumanitarnyy vektor*. 11(1). pp. 41–45.
17. Junger, E. (2000) *Rabochiy. Gospodstvo geshtal't. Total'naya mobilizatsiya. O boli* [Worker. Gestalt Dominance. Total Mobilization. About Pain]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.

Сведения об авторе:

Довгаленко Н.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии, психологии Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А. (Саратов, Россия). E-mail: dovgal30@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dovgalenko N.V. – Candi. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Philosophy, Sociology, Psychology, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov (Saratov, Russian Federation). E-mail: dovgal30@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.12.2020;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 27.10.2022
The article was submitted 20.12.2020;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 27.10.2022